
Анастасия РОГОВА

РАССКАЗЫ

ПОЕЗДКА НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Когда люди клянутся любить друг друга вечно, они не предполагают, что им придется провести две недели вместе в одной квартире — вывод, который стал открытием для многих пар на карантине, и тогда знаменитое толстовское «каждая несчастная семья несчастна по-своему» заиграло новыми красками.

У Сани с Олей все как-то само собой закрутилось. Был Саня айтишником, возглавлял отдел в крупной компании. Для двадцати семи лет отличная карьера с внушительной зарплатой.

Можно было позволить себе многое, в том числе и секс без презерватива, и, бонусом к нему, двоих детей. Женился Саня рано, по большой любви, свадьбу они с Наташей справили грандиозную, как в инстаграме бьюти-звезд, все друзья и родственники надолго это событие запомнили.

Но дети, быт и случайный скомканный секс под одеялом, пока те самые дети спят, пролонгации любви не очень способствуют. Тем более что по ходу семейной жизни выяснилось, что Наташа вовсе не такая, какая ему нужна.

Привыкнуть они друг к другу привыкли, как-то научились уживаться под одной крышей, но стали скорее родственниками, чем возлюбленными, и страсть ушла.

Хотя Наташе в ее двадцать пять лет, казалось бы, только и делай, что любишь, но нет. По вечерам она, надев свою игривую комбинацию из черных кружев, укладывалась в постель, лицом в подушку, пинала ногой Саню, если ему вдруг хотелось пощупать и погладить, и засыпала тяжелым сном молодой матери.

Тогда Саня впервые подумал, что брак — это совсем не сексуально. Но ни про какие измены даже не думал. До тех пор, пока к ним в офис не пришла новая секретарь на рецепшн.

В первый же день ее службы весь мужской состав офиса нашел там важные дела и крутился на рецепшн, словно осы вокруг аленького цветочка.

Оля улыбалась всем сияющей белоснежной улыбкой, сияли ее голубые глаза и белокурые выщипанные волосы, сияло воздушное платье, как-то так хитро облегавшее выпуклости фигуры, что от них взгляда было не оторвать.

Тут-то Саня и попал, хотя поначалу сам этого не понял.

У Оли в придачу к выпуклостям и кудрям оказалось еще и чувство юмора, а также опасное умение привораживать взглядом. Вроде бы стоишь, разговариваешь ни о чем, смотришь в глаза, а там, в прозрачной голубой дымке, уже мерещится нечто такое, такое...

Анастасия Николаевна Рогова — писатель, сценарист, журналист. Окончила Литературный институт и Киношколу Александра Митты. Лауреат литературных конкурсов «Русский Гофман», «Петроглиф», «Новая реальность», «Согласование времен». Участник Форума молодых писателей в Липках. Публиковалась в журналах «Кольцо А», «День и ночь», «Юность», «Бельские просторы», «Вопросы литературы» и других. Живет в Подмоскowie.

Сначала были все эти смешочки, хи-хи, ха-ха, ой, я не знаю, а ты это кино смотрела? Потом обеды совместные на кухне с коллегами, но за одним столом. Потом Саня ее как-то до дома подвозил. Случайно вроде бы в лифте встретились вечером, а может, он нарочно подгадывал уйти так, чтобы с ней совпасть. Теперь уже неважно.

Однозначно было одно: когда они впервые в обеденный перерыв оказались в ближайшей гостинице на двухспальной продавленной кровати, то, целуя разомлевшую Олю, Саня понял: оторваться от нее невозможно.

И дальше понеслось.

Сначала Саня еще как-то терзался угрызениями совести. Потом начал злиться на Наташу — сама виновата, не надо было ногами пинаться, и вообще, раз есть муж, то уделяй ему внимание. Если ей не хочется, а ему — очень даже, то что теперь делать? Не насиловать же собственную жену.

Потом Саня совсем успокоился. Скрывать любовницу и врать про отлучки и командировки, прикрываясь работой, вросло в ритм жизни. Наташа ни о чем не догадывалась, Оля ничего не просила. На работе он все равно проводил больше времени, чем дома: начальственное положение обязывало. Поэтому совмещать обеих получалось легко, весело и без особого риска.

Один раз в настоящую командировку на выходные Саня взял с собой Олю. Это было так прекрасно, что решили повторить. Но уже без командировки.

Наташе он напел про всякое, Оля выбрала уютную гостиницу в Подмоскowie, с бассейном и боулингом, и они провели волшебные выходные, полные нежности, восторгов и глупостей, свойственных скорее подросткам, чем взрослым людям.

Саня чувствовал себя на шестнадцать, а не на почти тридцать. Стоило ему увидеть Олю, вдохнуть ее запах, как он терял свойственную людям возможность ясно мыслить. Оставались только глупый смех и непроходящая эрекция.

Таких возможностей Саня до сих пор за собой не подозревал, хотя и жаловаться вроде бы никогда не приходилось. Но тут творилось что-то совсем немыслимое, и Саня с каждым днем чувствовал себя все круче. Остальной мир выцвел и отошел на второй план, а на первом, сияющая и прекрасная, словно Мадонна, улыбалась своей загадочной улыбкой Оля.

Так Саня и жил на два фронта, не задумываясь о том, что будет дальше.

А потом Оле захотелось на море. Чтобы только они вдвоем. Смеяться в милых ресторанчиках, пить легкое вино, валяться на лежаках, целоваться в соленой воде и заниматься сексом на рассвете или на закате.

Она так сладко жмурилась, когда это все расписывала, так трогательно канючила, поглядывая своими милыми глазками, а дома Наташа так прилипчиво ворчала, ругаясь, что его постоянно нет, а дети достали, и вообще, она кому их рожала, только себе, что ли, и сколько можно, что Саня решил. И взял тур в Италию. В самое романтическое место, какое мог.

Наташа известие об очередной командировке восприняла без энтузиазма, но работа есть работа, и если мужу требуется лететь на неделю в Челябинск, проводить семинары, то что ж поделать. Надо — значит надо.

Оля металась по магазинам, выбирая купальник. Саня помогал — оценивал. Поцелуи украдкой в кабинках возбуждали до трясущихся рук, упругие грудки Оли в новых тряпочках обещали райское блаженство под южным небом.

На работе все всё знали, косились, но молчали. Отпуск дали обоим.

И вот настал тот день. Самолет, протаранив густую синеву, сел среди пальм и жары.

Первую неделю было ровно так, как говорила Оля: рай и сказка, секс и на закате, и на рассвете, и еще в промежутках, а главное — море и они только вдвоем.

Оля восторгалась небом какого-то особенного насыщенного синего цвета, который у нас даже в Сочи не увидишь. Пейзажи были словно фотообои, Саня даже немного уставал от этой красоты, казавшейся ненастоящей.

И все время думал: почему так? Почему одни живут, где горы, закаты, море и узкие улочки, жизнерадостный смех, громкие голоса женщин, где все улыбаются друг другу, обнимаются прямо посередине улицы или расслабленно сидят за столиками, где даже полицейские похожи на порноактеров, а девушки такие, что шею свернешь, провозжая взглядом, а другие — в серо-сером спальном районе, где сосед в девять утра по выходным включает перфоратор, а если тебе кто-то на улице улыбается, так он либо пьяный, либо у тебя ширинка расстегнута.

Больше всего Сане нравилось вечером, когда спадала жара, сидеть в маленьком уютном ресторанчике неподалеку от их отеля. Пить сладкое и терпкое одновременно вино в ожидании, пока сияющий улыбкой официант принесет паэлью, где вперемишку источали ароматы гребешки, креветки, мидии и прочие дары раскинувшегося почти у самого ресторана моря, а Оля, аккуратно прихватывая губами салат, смеялась и морщила чуть сгоревший нос.

Они бессовестно просыпали завтраки, брали в магазинчике бутылку проссеко и шли на пляж, где туристы со всей Европы обсуждали на разных языках новости мировой политики и экономики.

Зажарившись, бросались в изумрудную воду и заплывали далеко, туда, где прозрачная и изумительно соленая плотная вода начинала темнеть, и там смело баловались, надеясь, что никакой ныряльщик или пловец не увидит ничего недозволенного.

Оля совершенно преобразилась от ослепительного солнца и свободной любви. У нее появились замашки жены, она подкладывала Сане еду на тарелку, натирала его кремом от загара и прижималась к нему, если замечала веселые взгляды соседок по лежакам.

Все шло настолько волшебно, что Саня начал мечтать о том, чтобы эта поездка никогда не кончалась. Чтобы вот так просыпаться, перепутавшись руками и ногами, каждое утро, в полусне слыша крики чаек и чувствуя свежий, пропавший йодом ветер и зная, что вокруг — рай земной с запредельно прекрасной природой, беззаботными людьми и натуральной вкуснейшей едой.

Они взяли напрокат машину и уехали в горы — смотреть крошечные живописные деревушки, есть домашнюю пиццу в семейных ресторанчиках, покупать какое-то особое местное вино и терять голову от видов, каждый из которых хотелось навсегда увековечить на фото.

Каждую секунду этого отпуска, каждый миг их райского бытия Сане хотелось зафиксировать и оставить себе навсегда. Он неосознанно повторял про себя, без слов, за Фаустом: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно».

Потому что все было действительно прекрасно: страна, Оля, любовь и чувство восторга в душе. Саня не мог представить, что через пять дней все вдруг закончится и его снова ждет Москва, жена, работа и угрюмое, словно лицо продавщицы из «Пятерочки», серое столичное небо за окном.

Они старались получить от случившегося с ними чуда побольше и снова уехали в горы с ночевкой в крошечном отеле, где не ловила связь. И тут вдруг так быстро, что почти внезапно, в Италии случилась эпидемия коронавируса.

В которую они оба сначала не поверили, ведь не может быть, чтобы такие ужасы случились в реальности и с ними. Так не бывает, такое может происходить лишь в кино. Когда потом выходишь из мрака зрительного зала и трясешь головой — ну и придумают же ерунду в этом Голливуде.

Но реальность с хрустом смяла глянцевую фотографию их маленького рая. И начался ад.

Границы закрылись, отель попросил на выход, билеты они обменять не успели. Пока ждали свой рейс, отменили воздушное сообщение между странами. Саня трижды покупал им обоим новые билеты на родину, но все три раза рейсы отменялись, а деньги не возвращались.

Саня смог напроситься жить к другу в небольшую однокомнатную квартиру в Милане. Там были очаровательный балкон, весь в цветах, на солнечной стороне, крошечная кухня и Оля, которая, впрочем, как-то вдруг перестала светиться.

На работе начальник долго над Саней смеялся, но отпуск ему продлил с условием, что Саня будет исполнять свои обязанности удаленно. А вот Олю отправили сначала за свой счет, а потом и вовсе заочно уволили по сокращению.

Солнце погасло, а Саня начал считать деньги. Выходило очень грустно, особенно с учетом курса евро и пропавших билетов. Новости про пандемию ввергали в траур: жесткий карантин продолжался, Россия закрылась наглухо, отчаянные звонки в консульство и заявки на вывоз в МИД ничего не дали.

Оля взялась плакать по любому поводу. Выяснилось, что готовить она не любит и не умеет, потому что это мещанство. Пришлось готовить самому, хотя Саня тоже особенно не вдохновлялся топтанием у плиты.

Потом начались споры, кому мыть посуду и убирать. Оля перестала краситься и улыбаться, в основном она с надутым видом лежала на диване и болтала по скайпу с мамой или родственниками или загорала на балконе.

В свободное от балкона время Оля ныла, что ей хочется на море, хочется новое платье и мороженку. Из всего перечисленного Саня мог ей предложить только мороженку, но Оля и тогда хотела лишь эскимо, которое в единственном доступном им магазине отсутствовало.

Саня, который работал с ноутбука, испытывая все муки удаленки, сначала слезы и капризы терпел, потом начал прикрикивать. Оля снова плакала и убегала на балкон, кричала оттуда разные неприятные вещи.

Но самым страшным был момент истины. Когда пришлось сознаться Наташе на очной ставке. Она к тому времени уже все знала, но трубку взяла. Звонил Саня по воцапу, но без видео: не мог смотреть в глаза жене.

— Ну-ну, — сказала Наташа.

В голосе ее были непривычные металл и лед, делавшие знакомый, родной голос совершенно чужим.

— Я, понимаешь..., — мямлил Саня. — Прости, это все не то, что ты думаешь...

Трубка отчужденно молчала. На балконе громко и заливисто хохотала Оля, мстила. Саня чувствовал себя полным дерьмом.

И ни одна из двух не выразила ему ни капли сочувствия и поддержки. Наташа молча положила трубку, Оля запела, фальшивя, Шнура.

Третья неделя прошла еще в большем унынии. В магазин ходили по очереди, и каждый поход Оли провоцировал очередной скандал. Потому что она тратила невозможные суммы на разную ерунду, совершенно бесполезную и нечеловечески дорогую.

На третьей неделе изоляции пропал и секс. По вечерам они теперь оба молча сидели на балконе, смотрели или в мониторы, или на прекрасный закат. Впереди виднелось море. До него было пять минут пешком, но выйти и дойти нельзя. Да и не хотелось. Очень хотелось домой. Причем без Оли.

Страсть угасла, как короткий южный закат, и Саня обнаружил, что вынужден сидеть в четырех стенах с капризной глупой девицей, жадной, мелочной и не очень даже и красивой, если внимательно присмотреться, без платьев, косметики и стрижки.

По ночам, сидя на кухне перед светящимся ноутбуком, Саня вспоминал роскошную кожу Наташи, ее идеальной формы грудь, сохранившуюся даже после двойно-

го кормления младенцев, ее хрипловатые стоны в моменты страсти и ее фирменный прищур серо-зеленых глаз.

Он соскучился по жене больше, чем по маме и детям.

И когда Оля в очередной раз удалилась делать напрасные траты, Саня не выдержал и набрал Наташе по видеосвязи.

На светлой кухне, которую они вместе выбирали после покупки новой квартиры, Наташа сидела за столом. Младшая дочь вертелась в стульчике и пыталась самостоятельно есть тыквенное пюре. Старший сын сидел рядом с Наташей и ел из тарелки суп.

Саня буквально ощутил запах своих любимых шей, которые так удавались Наташе в моменты хорошего настроения. Густые, наваристые, с помидором и чесночком.

— Ну, привет, — улыбнулась одними губами Наташа.

Вздвигнув, Саня понял, что она его не простит. Никогда. Что бы он ей сейчас ни сказал. По спине побежали мурашки, горло перехватило. Сане стало очень, очень страшно. Как будто он стоял на скалах, а снизу дышала обреченностью бездонная пропасть.

— Как Италия? — со сладким сарказмом поинтересовалась Наташа.

— Нормально, — виновато ответил Саня.

Он хотел сказать ей все, очень, очень много этого всего, но ее взгляд, ее фирменный прищур наложили на уста печать молчания.

— А, ну отлично, — кивнула Наташа, помогая дочке съесть новую порцию пюре. — Кстати, я на развод подала. Сейчас оказывается, онлайн можно, представляешь? Вернешься, в суд пойдем. С детьми только в суде разводят. Но факт измены доказан, я уже все адвокату передала, так что ты, в принципе, можешь и не ходить.

Саня молчал, скованный ледяным оцепенением. Услышанное не помешалось в голову, давило на сердце, перекрывало дыхание.

— Маме я твоей уже звонила, она приехала, вещи твои забрала, — буднично продолжала Наташа, одной рукой вытирая испачканную мордашку дочки, а другой подливая сыну добавки. — Детей она на выходные к себе заберет, потому что я с Колей на шашлыки поеду.

— Что? — тупо спросил Саня. — С каким Колей?

— С Антоновым, он в институте со мной учился, мы даже встречались тогда немного, помнишь? — ответила Наташа.

Наступила пауза, потому что Саня завис, как требующая перезагрузки операционная система, не справившаяся с вирусом.

— А ты думал, что я буду рыдать, закатывать тебе истерики, вещи твои из окна выбрасывать? — спросила Наташа, мимоходом забирая опустевшую тарелку у сына и вкладывая ему в руки планшет.

Глаза ее снова сузились в фирменном прищуре, и Саня, сердце у которого оборвалось и камнем провалилось куда-то в желудок, понял, что действительно все потерял.

На него напала чугунная тупость, и он просто сидел и слушал, что произносили те же самые красивые губы, которые когда-то его целовали, дрожа от любви.

— Я вначале так и хотела, — говорила Наташа. — А потом подумала: зачем? Ты же предатель. Зачем мне рыдать из-за предателя? Что это даст? Спать с тобой в одну постель я больше не лягу никогда. Но я же не умерла. У меня есть квартира, дети, работа. Могу и личную жизнь наладить. Если ты думаешь, что я никого не интересую, пусть и с двумя детьми, то ты очень, очень глубоко ошибаешься. Раз ты так поступил, раз так решил, раз тебе нормально было мне изменять с секретуткой с работы, то ради бога. Каждый имеет право на личное счастье. Я тоже, знаешь ли, хочу романтики и секса с горящими глазами. Вот и попробую заодно, а то я уже и забыла, как это — с кем-то, кроме тебя, трахаться.

Умом Саня понимал, что она все это говорит, чтобы сделать ему больно. Потому что ей самой сейчас больно. Но ответить ничего не мог. Ее слова резали его душу, словно маленькие острые злые льдинки, и каждое новое делало ему все больнее, словно ее злость была ядом, по капле пропитывающим его тело, мозг, сердце.

А Наташа чем больше говорила, тем ровнее выпрямляла спину и тем ярче сияли ее глаза. Всю ту смертную боль от предательства, что скопилась в ее душе, она сейчас передавала ему, и Саня, задыхаясь, чувствовал, что еще немного, и грудь у него лопнет от этой невыносимой тяжести.

— Ладно, давай, мне еще волосы покрасить надо, полы везде вымыть и детей собрать, — сухо оборвала свой монолог Наташа. — Хорошего тебе карантина.

Саня так и не успел рта раскрыть, как она отключилась.

Он сидел и смотрел на угасший экран монитора. Немытые отросшие волосы торчали в разные стороны, заляпанная пятнами футболка топорщилась на наметившемся животе. В окно ослепительно светило южное солнце.

Впереди были еще три недели полной самоизоляции.

СТРАНА СО СТАРОЙ КАРТЫ

Евгения Николаевна смотрела в окно, а оттуда на нее смотрела зима. Надоевшая, выматывающая морозами и снегопадами. Яркое январское солнце обещало скорую весну, но Евгения Николаевна не поддавалась обману. Она твердо знала, что до весны еще два триместра.

На стене висели в ряд три карты: мира, современная России и СССР. Вылинявшая, уцелевшая еще с тех времен, когда по ней учились ровесники Евгении Николаевны. Утреннее солнце подсвечивало контуры несуществующей страны, усиливая ее розовый окрас.

На столе жужжал телефон. Классному руководителю непрерывно писали родители. Про стоимость завтраков, про грядущие экскурсии, а также по прочим важным поводам.

Мама Цветкова требовала повысить ее сыну оценку по музыке, отрицая тот факт, что он вообще не пел на уроках. Просто открывал рот со всеми, надеясь, что учительница не заметит его уловки.

Папа и мама Авамян с двух чатов строчили упреки: их дочь получила тройку по географии. Аргументы родителей сводились к «она такая хорошая девочка, так старается». Но старание не компенсировало полного незнания темы.

Писали и коллеги по другим предметам: жаловались на дисциплину в классе, требовали, чтобы Евгения Николаевна приструнила своих подопечных.

Евгения Николаевна всегда с тайным страхом принимала новый пятый класс. Пятиклассники — еще вроде бы дети, но уже с подростковым бунтом и собственным однозначным мнением по любому поводу, при этом и не настолько взрослые, чтобы прислушиваться к доводам разума. Самый сложный возраст.

Главным событием сегодняшнего дня стала драка тихого субличного Гоши Сергеева и могучего, пухлого Никиты Петрова. Мама Петрова уже написала несколько сообщений, где были ее обычные требования: уволить или заменить молодую учительницу, которая поставила ее сыну двойку, вызвать родителей обидчика ее сына к директору и поставить их всех на учет в полицию. Мама Гоши пока ничего не написала. Она вообще практически ничего никогда не писала и не ходила на собрания — работала. Тихая женщина, глаза все время в пол, взгляд не поймашь. Одета очень скромно, прическа на скорую руку, никакой косметики. И никакого мужа.

Мама Петрова носила шубу в пол из чернобурки, подводила брови черным карандашом и красила губы алой помадой. Она была лет на пятнадцать младше своего тучного седовласого мужа — известного в городе хирурга, заведующим центральной больницы.

Сама она когда-то работала медсестрой, но удачное замужество резко изменило ее статус, и теперь она занималась только собой и своим единственным сыном.

Мало кто из родителей принимал такое активное участие в школьной жизни детей, как мама Петрова, которая не пропускала ни одного родительского собрания, бомбила сообщениями классный чат по поводу всего: экскурсий, подарков учителям и детям, закупки учебников, выбора места проведения выпускного.

Чаще всего она предлагала сделать выбор в пользу наиболее дорогостоящего варианта, употребляя одну и ту же фразу: «средства позволяют». Средства действительно позволяли ей многое. В том числе высокомерное выражение лица, на котором застыло вечное снисходительное недовольство ко всему вокруг.

Почему Гоша, прежде не замеченный в драках, сцепился с Никитой, Евгения Николаевна не знала. Класс молчал, свидетели все отрицали либо противоречили друг другу.

Глядя в окно на звенящую зиму, Евгения Николаевна внезапно ощутила сильную усталость, хотя новогодние праздники лишь недавно закончились.

В дверь быстро постучали, а потом вошла одна из пятиклашек, Катя, с высоким хвостом и в модной толстовке.

— Здравсьте, Евгения Николаевна, я на танцах была, — без пауз выпалила она, подходя к столу и на ходу доставая из рюкзака тетрадь. — Вот.

Тетрадь легла перед учительницей.

— Это Елкина, мне кто-то в рюкзак подсунил, отдайте ему, — пояснила Катя.

— Хорошо.

Евгения Николаевна тяжело вздохнула. Школу охватило новое поветрие: таскали друг у друга тетради и прятали в чужих портфелях. К игре примешивался интерес к противоположному полу. Евгения Николаевна была уверена, что Кате тетрадь мальчика подсунули классные хулиганки — посмотреть, что будет, когда она обнаружит сюрприз на перемене. И что будет, когда свою тетрадь у нее в руках увидит ограбленный. Но Катя и сама была закаленным ветераном школьных битв, а потому провела ловкую тактическую операцию, избавившись от чужого имущества.

Учительница отодвинула тетрадь на угол стола. Катя вертела головой, разглядывая карты.

— Я напишу его маме, чтобы он не искал тетрадь, — заверила Евгения Николаевна.

— Евгения Николаевна, а можно спросить? — вдруг сказала Катя.

— Конечно, — согласилась учительница.

— А вы же при Советском Союзе жили? — спросила Катя. — При пионерах?

— Да, — от удивления Евгения Николаевна смогла не рассмеяться. — Хотя и не при Ленине.

Специально уточнила, потому что Катя была не первой, кто задавал ей этот вопрос, путаясь в исторических рамках. Родной сын как-то поинтересовался, не ездила ли она покорять целину, и в ответ Евгения Николаевна не знала, то ли смеяться, то ли плакать под своей древностью в глазах нового поколения.

— Знаю, знаю, он давно помер и в мавзолее лежит на Красной площади, — отмахнулась Катя. — Вы лучше скажите: правда, что там все бесплатно было?

— Ну-у, — запнулась Евгения Николаевна. — Если брать в широком смысле, то да. На самом деле однозначно на этот вопрос ответить нельзя, потому что СССР, как любая страна, пережил несколько периодов...

— Все было бесплатно! — восторженно перебила Катя, и глаза ее загорелись. — Знаете, в тик-токе один есть блогер, все про Советский Союз рассказывает! Как там было.

— Сколько ему лет, этому блогеру? — поинтересовалась Евгения Николаевна.

— Лет семнадцать, наверное, а чего? — воскликнула Катя, упрямо тряхнув челкой.

— Как же он рассказывает, если сам не жил при СССР? — усмехнулась Евгения Николаевна. — Вот так и возникает миф.

— Какой еще миф, — отмахнулась Катя. — Мифы — это в Древней Греции были, а СССР недавно был, еще при вас и даже при маме моей. А Джи Ди и не мог в Советском Союзе жить, он из Америки.

— Что-что? — переспросила Евгения Николаевна, решив, что неправильно поняла.

— Ну, в США он живет, — помахала руками Катя, чтоб понятней объяснить. — В Оклахоме, это штат такой.

— И рассказывает про Советский Союз?! — поразились до глубины души Евгения Николаевна. — Из Оклахомы?

— А чего? — снова насупилась Катя. — Какая разница откуда, если он все изучил и сам себя в пионеры принял. Он фанат СССР, фильм про него снимает.

От потрясения Евгения Николаевна не нашлась, что возразить, и повисла пауза.

— Вот зачем понадобилось такую страну разрушить? — не унималась Катя. — Жили бы сейчас, и тоже бы все бесплатно было.

— Понимаешь, Советский Союз терпел кризис, строй себя изжил, люди хотели свободы, — ответила Евгения Николаевна. — Это долго объяснять. Нельзя было купить многие продукты, товары. Ничего не было. В старших классах по истории будете изучать распад СССР, тогда поймешь.

— А сейчас что, можно, что ли? — громко возмутилась Катя. — Вон Гоша на экскурсию не ездил, потому что у его мамы две тысячи сдать не было. У нее зарплата маленькая. А лекарства, знаете, сколько стоят? У нас вот бабушка заболела, мы ее к врачу платному возили, потом лекарства покупали, и мне теперь новые коньки даже на сейле не купили. Папа сказал: жди. Что ждать, уже зима скоро кончится. А тогда все было бесплатно! Врачи, экскурсии, что хочешь! Надо все назад вернуть.

Евгения Николаевна хотела объяснить, что время перемен и дух свободы в девяностые, когда она была чуть старше Кати, невозможно было остановить. Приоткрыла рот, чтобы рассказать, как на полках появились заграничные товары: юбки-ламбады, шоколад, игрушки, кроссовки. Как открылась граница и ее подруга уехала в Америку. Как в кинотеатрах перестали показывать моралистические мелодрамы, а начали ставить крутые боевики и приключения. Как люди занялись бизнесом, как страна менялась...

Снова зажужжал телефон — звонила мама Петрова. Надо было ее выслушать и попытаться найти компромиссное решение конфликта.

— Ладно, я пойду, мы сегодня свой тик-ток записываем, про пионеров, — махнула рукой Катя. — До свидания!

Катя убежала, не закрыв дверь.

Евгения Николаевна снова посмотрела в окно. И вспомнила такой же январский день, когда в своем родном городке она шла с бабушкой домой из магазина.

Бабушка тащила неподъемные сумки с хозяйственным мылом, стиральным порошком и консервами. Женя тоже тащила сумку — в свои двенадцать лет она уже переросла сгорбленную бабушку.

— Ба, а как же коньки? — ныла Женя. — Мама же прислала денег. Специально на них.

— Нету, я тебе где возьму, если не завезли? — ворчала бабушка. — На кой тебе еще коньки, у тебя старые есть, годятся еще.

— Да ба, это не такие! — проняла Женя. — Мне нужны «снегурочки». А не эти, которые к валенкам прицеплять. Я хочу фигуристкой стать. Мне тренироваться надо.

— Отстань, куплю, когда завезут, — буркнула бабушка.

— А когда?

— Не знаю, продавщица сказала, давно не было, дефицит.

— Ба, а что такое дефицит?

— Дефицит — это когда нету.

Бабушка остановилась и поставила сумки на снег, поправила тыльной стороной ладони облезлую меховую шапку. Она вся взмокла, раскраснелась.

Женя грустно сморщила нос. Ее хрустальная мечта поразить всех, выйдя на каток на пруду в белоснежных «снегурочках», растаяла, словно сосулька в оттепель.

Перед глазами мелькнула фотография из «Пионерской правды»: юная фигуристка летит по льду, распахнув руки, навстречу славе.

— Купим мы эти твои коньки, а дальше что? — помолчав, спросила бабушка. — Кружок-то только в райцентре. Кто тебя возить будет, я?

Женя смотрела на бабушку и понимала, что такой вариант невозможен. На бабушке все хозяйство, а у нее ноги больные.

Мама Жени второй год, как уехала в Москву на заработки, отец после возвращения с войны так пил и кидался на людей, что мама с ним развелась, и он перебрался к родителям в соседний поселок. Кроме бабушки, заниматься Женей было некому.

— Я сама буду ездить, — робко предложила Женя.

— За пятнадцать километров?

Бабушка не оставила ей шансов. Женя смирилась, вздохнула и подняла свою сумку. Юная фигуристка мелькнула перед глазами и растаяла в снежной дали. Взявшись за свои сумки, бабушка двинулась вперед по хрустящему, переливающемуся на солнце снегу. Женя плелась за ней, словно на веревочке.

— Дефицит, дефицит, — ворчала бабушка. — Довели страну коммунисты, чтоб им пусто было. Как это может быть, что муки в магазинах нет? Куда делась-то? Все с Америкой воюют. На которую свинью они той Америке сдались.

— Ба, а Америка далеко? — спросила Женя, думая о «снегурочках».

— А тебе что, по географии не говорили, где та Америка?

— Нет, — вздохнула Женя. — У нас учительница по географии уволилась. Зарплата, сказала, маленькая, и ту задерживают. Нет у нас больше географии. Мы только Китай успели пройти.

— До чего дошло, Горбачев, чтоб он лопнул, — сплюнула в ярости бабушка. — Все про какую-то перестройку несет. Что перестраивать, если все развалилось? Все у них Америка виновата...

Женя слушала ругательства бабушки и старалась вспомнить все, что слышала об Америке. Представляла себе глобус, который стоял в классе географии.

Дома она обшарила шкафы и нашла старый, еще мамин, маленький глобус. Сдула с него пыль, провернула земной шар и нашла сразу две Америки — Северную и Южную. Они были на другой стороне Земли.

Женя посмотрела на «нашу» сторону — там выделялась большая страна из четырех букв: СССР.

Резкий школьный звонок заставил Евгению Николаевну вздрогнуть и очнуться. Она собрала тетради в сумку, встала и пошла в учительскую, решив, что перезвонит маме Петрова вечером. После того, как сводит сына на каток.